

выше направления может изменять мировоззрение студентов-медиков, формировать личность, способную и желающую приносить пользу людям, обладающую современным, непредвзятым взглядом на мир.

CAN, MAY, WILL КАК СИСТЕМА СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ ВОЗМОЖНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ломаев Б.Ф.

*Забайкальский государственный университет,
Чита, e-mail: bfl43grata@mail.ru*

Описание результатов парадигматического и синтагматического анализа главной предикативной лексики, которая несет основную нагрузку по передаче понятия возможности в английском языке, *предлагается* в данной работе. Основная цель анализа семантической парадигматики и особенностей функционирования в речи рассматриваемых лексических единиц – определение более точной идентификации близких по значению и употреблению модальных глаголов *can, may, will*.

В статье раскрываются соотношения между *can, may, will*, их взаимодополняемость и взаимозаменяемость как элементов системы средств выражения модальности возможности в современном английском языке. Результаты проведенного парадигматического и синтагматического анализа предикативной лексики, выражающей модальность возможности в английском языке, свидетельствуют о том, что объединенные инвариантным смыслом *potentiality /power which is potential/*, совпадающие в нескольких своих значениях, эти глаголы являются смежными друг другу и в нескольких своих употреблениях [1, с. 3–24].

Цель настоящей статьи – провести более точные различия этих близких по значению и употреблению лексических единиц. Находящиеся в синонимических отношениях друг с другом модальные глаголы *can, may, will* практически регулярно выражают модальность возможности, способны обозначать в различных контекстах различную степень и разные оттенки понятия возможности: *possibility, probability, chance, ability, sensation, willingness, characteristic, certainty/sureness, uncertainty/doubt, permission/sanction*, которые являются спецификацией общего инварианта *potentiality* в конкретных контекстах.

Наиболее широко, практически во всем его семантическом объеме понятие возможности представляет модальный глагол

can. Обобщенно говоря, семантическое содержание *can* составляет исследуемое понятие. Вместе с тем, в зависимости от контекста в каждом конкретном случае *can* / как и другие изучаемые глаголы / имеет одно определенное коммуникативное значение. Все значения *can* восходят к его инвариантному свойству выражать теоретического характера адекватную, реальную возможность /adequate, theoretical potentiality/ [2, с. 153].

Вторым основным предикативным словом, которое в сочетании с последующим инфинитивом регулярно выражает модальность возможности, является глагол *may*. Значения *may* восходят к его инвариантному признаку случайной, в ряде случаев неопределенной, но фактической возможности /contingent, factual potentiality/ [3, с. 75].

Все коммуникативные значения третьего модального глагола *will* восходят к его инвариантному свойству выражать адекватную, уверенную возможность /adequate, sure potentiality или «adequate assurance»/ [4, с. 34]. Вышеуказанные дифференциальные семантические признаки возможности у *can, may, will*, дополняя друг друга, позволяют сравнительно четко очертить круг исследуемого понятия.

Проведенное исследование показало, что *can* обладает наибольшей коммуникативной насыщенностью. К числу сильных дифференциальных признаков *can* следует отнести его употребление в значении возможности-способности *intellectual ability* и *sensation*. Здесь нейтрализация противопоставления *can, may, will* невозможна, так как в этих значениях *can* не может быть эквивалентом *may* и *will*. В значении *ability can* эквивалентен синонимичному выражению *be able to ...*, *know how to ...*: *I can speak English. /I'm able to speak English/; I can paint it /I know how to paint it/*. В значении *ability* глагол *can* способен передавать такие оттенки данного значения как: *able, capable, competent, skilful, clever* и т.п. В значении *sensation can* эквивалентен простой форме инфинитива: *I can see the smoke. /I see the smoke/; I can hear you well. /I hear you well/*.

В остальных значениях /*willingness, possibility, characteristic, probability, chance, certainty-sureness, permission*/ употребления *can* соприкасаются с употреблениями *may* или *will*.

Can может употребляться в значении возможности – готовности сделать что-то для какого-либо лица /*willingness*/, в значении, очень близком к значению *will*: *I can do that for you. /I will do that for you/*. В значении

willingness can всегда обозначает возможность совершения действия в будущем. Отсюда формальным дистрибутивным признаком употребления can в данном значении может служить его потенциальная сочетаемость с обстоятельствами, обозначающими будущее время: I can do that for you tomorrow /next week.../.

В тех случаях, когда can употребляется в значении возможности – предположительности /possibility/, он эквивалентен только модальному глаголу may. Possibility – своего рода осевое значение коммуникативного спектра can и may. Оба глагола отличаются высокой частотностью употребления в процессе речевой коммуникации именно в значении предположительности /теоретической и, соответственно, фактической/. Взаимозаменяемость can и may в значении possibility возможна лишь в утвердительных предложениях, но не в вопросах: He can be at home now /He may be at home now/. С субъектом действия, выраженном «it» как, например, в предложении It may be all right for her but not for me (Lawrence, 198) употребительнее глагол may.

В значении characteristic /разновидность предположительности/ смежными можно считать употребления can и will. В этом значении can обычно обозначает возможные спорадические характеристики лица субъекта действия: Daughters can be worrying. Формальным показателем употребления can в данном значении является его потенциальная сочетаемость с обстоятельствами «at times», «sometimes». Will в значении characteristic выражает не спорадические, а регулярные свойства, характеристики лица субъекта действия: She will be worrying. Реализация данного значения не зарегистрирована в модальных предикативных сочетаниях will с субъектом I-го лица /I, we/.

Если значение possibility – дифференциальный семантический признак can, may, то probability можно считать отличительным признаком can, will. Probability является осевым значением коммуникативного спектра can и will. В данном значении сферы употребления can могут иногда соприкасаться и с употреблениями may. Формальным признаком употребления may в значении probability является его сочетаемость с перфектным и длительным инфинитивом. Значение probability можно определить как слабую позицию, в которой происходит нейтрализация противопоставления рассматриваемых модальных глаголов. Здесь возможна взаимозаменяемость глаголов /со строгим учетом стилистических особенностей их употребле-

ния/. Ср., например: (probably) The pound can be devalued. The pound may be devalued. The pound will be devalued now. В значениях probability, chance и permission соприкасаются сферы употребления всех трех модальных глаголов.

Употребление рассматриваемых глаголов в значении chance является также проявлением слабого дифференциального коммуникативного признака, слабой позиции, в которой происходит нейтрализация противопоставления всех трех модальных глаголов. Формальным контекстным показателем данного значения can, may, will служит их употребление в придаточных предложениях цели, вводимых союзом «so that», например: «... the main reason you wanted a lot of money was so that you could tell everybody to go to hell. Now's your chance» (Mitchell, 705). В этом значении модальные глаголы взаимозаменяемы и синонимичны выражениям have a chance, have a favourable opportunity, have a prospect и т.п.

Если certainty-sureness можно считать дифференциальным семантическим признаком can и will, то uncertainty-doubt – дифференциальный признак глагола may [5, с. 78]. В значении uncertainty-doubt may обычно употребляется для обозначения предполагаемого действия в будущем: – When are you going on holiday? – We may go next week, but it depends on my father. (Lee W.R., 49).

В значении просьбы-разрешения /permission/ употребления can, may, will соприкасаются. Приведем несколько интересных иллюстраций употребления изучаемых глаголов в данном значении в современном языке:

Child at table: «Please, can I get down?»

Mother: «Yes, and you may».

Admirer to pretty maiden: «Phyllis, you can come and kiss me».

Phyllis: «Oh, can I?»

– Can I go now? – You can if you want to.

– Will you tell me the time, please?

– He who will not when he may, may not when he will /wishes – and is able – to do so/ [6, с. 65, 280].

Сферы употребления исследуемых модальных глаголов действительно близко соприкасаются и во многом совпадают друг с другом. Can и may систематически обозначают модальность возможности. Они передают богатую оттенками гамму модальных значений возможности. В зависимости от контекста, от коммуникативного задания сообщения они выражают различную степень и различные оттенки возможности.

В отличие от модальных глаголов *can* и *may* глагол *will*, который в основном служит показателем категориальной формы глагола, маркером будущего времени, передает модальные значения возможности лишь в определенных контекстных условиях /особенно *would*/. К числу формальных признаков употребления *will* в модальном значении можно отнести его сочетаемость с перфектным и длительным инфинитивом, а также контекстные показатели типа: *probably, surely* и другие указания микро- и макроконтеста, которые реализуют то или иное модальное значение *will*. Хотя контекстные условия реализации модальных значений рассматриваемых глаголов иногда оказываются смежными, могут совпадать, но грамматическое назначение *will* как вспомогательного глагола будущего времени затемняет его модальную сущность, делает спорным большинство примеров.

Проблема идентификации и различения рассматриваемых модальных глаголов, которую нельзя решить на уровне дистрибутивного анализа, может быть решена на уровне трансформаций и синонимических замен, подбираемых на основании более или менее широкого контекста.

Парадигматическое и синтагматическое исследования показали, что модальные глаголы *can, may, will* /особенно *can* и *may*/ – главные предикативные слова, выражающие модальность возможности. Представляя совокупность предикативных выражений, в которые входят конститuentы исследуемого семантического поля *Potentiality*, как систему средств выражения модальности возможности можно считать, что модальные глаголы *can, may, will* в сочетании с последующим инфинитивом составляют центр, ядро данной системы.

Список литературы

1. В этой связи см.: Ломаев Б.Ф. Парадигматические и синтагматические характеристики предикативной лексики, выражающей модальность возможности в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Калининский гос. ун-т, 1974. – С. 3–24.
2. Joos M. The English verb. Form and meanings. 1964. – С. 153.
3. Leech G. Meaning and the English Verb. Lnd., 1971. – С. 75.
4. Ehrman M.E. The meanings of the modals in present-day American English. The Hague – Paris, 1966. – С. 34; Palmer F.R. A Linguistic Study of the English Verb. Lnd., 1965. – С. 108–115.
5. У Хорнби в этой связи находим: «When we wish to indicate a possibility with which doubt or uncertainty is mixed, *may* and *might* are often used». – Hornby A.S. A Guide to Patterns and Usage in English. L., 1994. – С. 78.
6. Partridge Eric. Usage and Abusage, pp. 65, 280.

ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭМЫ П. ВАСИЛЬЕВА «ХРИСТОЛЮБОВСКИЕ СИТЦЫ»

Рубцова Е.В.

Курский государственный медицинский
университет, Курск, e-mail: rubcova2@mail.ru

Несмотря на крайне неблагоприятную общественную и литературную ситуацию 1930-х годов П. Васильев находил силы расширить круг творческих поисков и подняться до соответствующих их уровню художественных обобщений. Тридцатые годы стали для него периодом освоения эпической поэтической формы. Но после раскритикованной поэмы «Соляной Бунт» (1933 г.) поэт вынужден был идти на компромисс, ему пришлось выполнять «социальный заказ», при этом была сделана попытка сохранить собственное художественное мировоззрение. Павел Васильев фактически столкнулся с той ситуацией, в которой оказались другие художники слова. Не желая иллюстрировать «наши достижения», превращать литературу в инструмент пропаганды, они искали возможности сохранить творческое лицо, отстоять свое видение действительности. Для многих (М. Пришвина, Ю. Олеши, О. Мандельштама, Б. Пастернака, других) такой возможностью стали писательские дневники. Они позволяли быть честными перед собой и будущими поколениями.

Был еще один способ уклониться от идеологического наставничества. После того, как сатира в качестве жанра, оказалась фактически под запретом, некоторые писатели воспользовались возможностями такой художественной структуры, которая объединяет утопию и антиутопию одновременно. Подобное жанрообразование («Адам и Ева», «Багровый остров», «Блаженство» М. Булгакова, «Чевенгур», «Котлован» А. Платонова) сохраняло иллюзию поисков и даже нахождения всеобщего счастья и в то же время давало представление о его призрачности, неосуществимости. Явно условная форма смягчала претензии к авторам.

П. Васильев перед лицом реальной угрозы своей жизни, искусственно понизив тип художника-искателя в «Христороубовских ситцах», создал в то же время откровенно утопический образ современной действительности. В основе поэмы не логика поведения заглавного героя, основанная на очевидных мотивах и зависимостях, наоборот – алогизм поступков как результат подражания алогизму самой действительности.

Начинает молодой художник с утверждения не религиозной или мирской схимы, а с изображения жизни в ее буйстве и многокрасочности. Первоначально он напоминает самого поэта ранней поры, который с легко-